

Д. И. Макаров

Некоторые замечания о понимании цвета у Витгенштейна и в византийской традиции

УДК 1(436)(091):16:27-1

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_238

Аннотация: В своем антиномичном учении о сущности цвета и его примате над формой объектов Витгенштейн отходит, осознанно или нет, от феноменологической линии Канта и Гуссерля и типологически приближается к воззрениям византийских церковных интеллектуалов — Прокопия Газского (VI в.) и Максима Плануда (ок. 1255–1305). Если для Прокопия цвет, наряду с ипостасностью и формой, служит одной из важнейших характеристик физических объектов, то для Плануда бытие цвета — аналогия сущности Божией и бытия Св. Духа, Который — как Бог — не терпит над собой примата кого бы то ни было и чего бы то ни было. Это близко подходит к учению Витгенштейна о логической структуре цвета и к положению Крипке о цвете как жестком десигнаторе объектов. Мы также пытаемся дополнить онтологию цвета у Витгенштейна рассмотрением проблемы цветности с теоретико-множественной точки зрения, а также отмечаем близость Витгенштейна и современной лингвистики (А. Д. Шмелёв) в том, что касается их учения о бытии цвета на границе между логикой и опытом.

Ключевые слова: Людвиг Витгенштейн, Максим Плануд, Прокопий Кесарийский, цвет, звук, множество, форма, логическая сущность цвета.

Об авторе: **Дмитрий Игоревич Макаров**

Доктор философских наук, доцент, профессор и заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета.

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

Для цитирования: Макаров Д. И. Некоторые замечания о понимании цвета у Витгенштейна и в византийской традиции // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 238–248.

Автор сердечно благодарит за помощь в работе над статьей Е. Г. Драгалину-Чёрную и В. М. Лурье. Также были учтены некоторые фундаментальные замечания И. Б. Микиртумова, за которые приносим ему нашу искреннюю благодарность.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2022

Dmitry I. Makarov

**Some Notes on the Understanding of Color in Wittgenstein
and in the Byzantine Tradition**

UDK 1(436)(091):16:27-1

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_238

Abstract: In his antinomic doctrine of the essence of color and its primacy over the form of objects, Wittgenstein departs, consciously or not, from the phenomenological line of Kant and Husserl and typologically approaches the views of the Byzantine church intellectuals – Procopius of Gaza (6th century) and Maximus Planud (c. 1255–1305). If for Procopius color, along with hypostasis and form, serves as one of the most important characteristics of physical objects, then for Planud the existence of color is an analogy of the essence of God and the existence of the Holy Spirit, who, as God, does not tolerate the primacy of anyone or anything else. This comes close to Wittgenstein’s doctrine of the logical structure of color and to Kripke’s position on color as a rigid designator of objects. We also try to supplement Wittgenstein’s ontology of color by considering the problem of color from a set-theoretic point of view, and also note the closeness of Wittgenstein and modern linguistics (A. D. Shmelev) in regard to their teaching about the existence of color on the border between logic and experience.

Keywords: Ludwig Wittgenstein, Maximos Planoudes, Procopius of Gaza, color, sound, set, form, the logical essence of color.

About the author: **Dmitry Igorevich Makarov**

Doctor of Philosophy, Associate Professor and the Head of the Department of General Humanities at the M. P. Mussorgsky Urals State Conservatory, Ekaterinburg, Professor of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages at Urals Humanitarian Institute, Urals Federal University.

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

For citation: Makarov D. I. Some Notes on the Understanding of Color in Wittgenstein and in the Byzantine Tradition. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 1, pp. 238–248.

Введение

Говоря об учении Людвиг Витгенштейна о цвете, Е. Г. Драгалина-Чёрная отмечает: «Языковые игры с цветовыми понятиями не ограничиваются перцептивной сферой, но задействуют память, воображение, культурные коды» [Драгалина-Чёрная, 2020, 151]. В той попытке языковой игры, которая представлена в настоящей статье, будет обращено внимание на медиевальные предыстоки некоторых положений Витгенштейна — сюжет, явно обойденный вниманием в историографии, — раз уж «языковая игра с цветовыми понятиями не может вестись, подобно игре в шахматы, по сугубо конвенциональным правилам» [Драгалина-Чёрная, 2020, 154]. Конвенциональна здесь игра как таковая — разумеется, в модусе *ludus serius*.

Значение византийской мысли для решения современных проблем еще не оценено в должной мере². Высказанные двумя авторами (Прокопием Газским, VI в., и особенно Максимом Планудом, XIII в.) мысли о цвете в какой-то мере предвосхищают ту линию мысли, что мы встречаем в XX в. у Витгенштейна, позволяя поставить вопрос о ее не столько античных (это отдельная большая тема), сколько именно о греко-византийских предыстоках. В каком-то смысле можно утверждать, что в творчестве Витгенштейна, как в магическом кристалле, оказались сфокусированы пересечения самых разных предметно-логических полей философской традиции, включая онтологию духовного мира. На такого рода аналогии из византийской мысли (явно неизвестной автору и тем более примечательной в данном контексте) нам бы и хотелось указать³.

Людвиг Витгенштейн, Иммануил Кант и Максим Плануд: возврат к средневековой метафизике?

Как известно, Иммануил Кант в «Критике чистого разума» (1781; 2-я редакция — 1787) называет в качестве важнейших характеристик наглядного представления тел протяжение и форму, тогда как цвет в этот список не входит: «...если я отвлекаю от представления тела всё, что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость (*Teilbarkeit*) и т. п., также всё, что принадлежит в нем к ощущению, как-то: непроницаемость (*Undurchdringlichkeit*), твердость, цвет (*Farbe*) и т. п., то у меня остается от этого эмпирического наглядного представления еще нечто, именно *протяжение* (*Ausdehnung*) и *форма* (*Gestalt*) (курсив автора. — Д. М.)»⁴. А может быть, все дело в том,

¹ Пер. с нем. А. С. Ильиной.

² См., в частн.: [Драгалина-Чёрная, 2014, 91] (мы еще вернемся к этому наблюдению исследовательницы); [Макаров, 2020, 44–56].

³ Как было недавно замечено, «Заметки о цвете» Витгенштейна «касаются вопросов, способных вывести на центральные философские проблемы» [Сокулер, 2020, 145]. Это касается трудов мыслителя в целом; среди же проблем, разрешению которых они способствуют, немалую роль играют историко-философские.

⁴ [Кант, 1993, 50. Трансцендентальная эстетика, § 1]. Немецкий текст см. на: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6342/pg6342.html> (дата обращения: 14.01.2022). Слово *Gestalt* в значении «форма» употребляет и Гуссерль: цвет неявно подпадает под категорию «целостных визуальных или тактильных образов восприятия, в пассивном синтезе которых являет себя единая вещь, а при этом и ее единая форма (*Gestalt*) и т. п.» [Гуссерль, 2010, 103. Медитация IV]. Рассуждая в целом в русле Канта (если отвлечься от мысли о несуществовании вещей в себе), Гуссерль и вовсе не считает нужным выделять среди разного рода тактильных восприятий вещи ее цвет как таковой. Это тем более важно, что «Картезианские медитации» (1929) — новаторский для мыслителя труд, в котором представлена более динамичная, чем в «Логических исследованиях», «генетическая» феноменология [Молчанов, 2010, 216], а именно это для нас и важно.

что «Не существует такой вещи, как *единственное* (курсив автора. — Д. М.) чистое понятие цвета»⁵?

Похоже, впрочем, что Витгенштейн вступает в полемику с линией Канта и Гуссерля. Мы прямо читаем об этом в «Заметках о цвете»: «Хотя нет такой вещи, как феноменология, однако есть феноменологические проблемы» [Витгенштейн, 2020, 164. III, 248]. Вопреки Канту, *цвет* для Витгенштейна важнее *формы*, о чем австрийский и британский мыслитель прямо и говорит (см. далее). А вот критической реакции на понятие *протяженности* мы у него в явном виде не встретим. (Быть может, здесь уместно вспомнить, что и средневековые авторы признавали протяженность, наряду с цветом, одной из важнейших характеристик тварного сущего.)

Настала пора привести наш первый пример. По словам Прокопия Газского, выдающегося мыслителя и экзегета Библии первой половины VI в., жившего в Палестине, ипостась — понятие универсальное: ипостасью, наряду с цветом и протяженностью, обладают все физические тела [Procopii Gazaei Commentarius in Genesis... [ad Gen. 1: 14]. PG 87/1. Col. 85A]⁶. Как же нужно мыслить понятие цвета, каким линиям и траекториям логической и онтологической традиции следовать при его анализе?

И вот тут нам на помощь придет Максим Плануд (ок. 1255–1305; PLP 23308), монах-богослов, полемист, эпистограф, переводчик блж. Августина, Фомы Аквинского и ряда других латинских богословских текстов на византийский (среднегреческий) язык. Плануд приводит для цвета самую возвышенную аналогию, какую только может подобрать к тому или иному сущему теолог, — аналогию Св. Духа:

Дело в том, что, как *цвет состоит не из сущности и очертаний* (τοῦ σχήματος), но из одной лишь *сущности*, в которой и заключаются очертания и цвет, так и о Духе Святом говорится, что Он исходит не от (ἐκ) Отца и Сына, но только от Отца (курсив наш. — Д. М.) [Sapientissimi cardinalis... Syllogismus quartus. PG 161. Col. 317A].

Действительно, получается почти по Витгенштейну: чистый цвет как таковой находится не в объектах⁷, но... в некоем трансцендентальном пространстве. Цвета — не вещи [Витгенштейн, 2020, 162. III, 127]: явление цвета более метафизично. А потому, как нам кажется, справедливым будет и следующее утверждение: *высказывания о цвете сопоставимы с утверждениями о Боге* (на что и обратил внимание Максим Плануд).

Бытие цвета похоже на сущность Божию, потому что наличие в том или ином месте (той или иной субстанции) цвета — отношение *внутреннее* (а не эмпирическое) и потому *сверхвременное*. О том же Витгенштейн говорит и в «Заметках об основаниях математики»⁸ (около 1937–1938), § § 103–104:

103. Когда мы говорим: «Это предложение следует вот из того», то глагол «следовать» и здесь употребляется во *вневременном* значении (ist... *unzeitlich* gebraucht; курсив автора. — Д. М.)... 104. Сравним с этим [следующее высказывание]: «Белый ярче чёрного». Это выражение также обладает *вневременным* значением (ist

⁵ [Витгенштейн, 2020, 160]. Возможно, Витгенштейн в своем подходе был близок Кассиреру, считавшему, что феноменология расчищает почву для логики, которая производит подлинный синтез духа в понятиях [Кассирер, 2002, 20].

⁶ Что же касается Прокопия, то этот автор пользовался определенной известностью в средневизантийский период — настолько, что ему даже ошибочно приписывали анонимный (впоследствии атрибутировавшийся Михаилу Пселлу) плач «На падение Св. Софии», составленный, по авторитетному мнению Кирилла Манго (1928–2021), ок. 990 г. (см.: [Mango, 1988, 169]).

⁷ Напомним тезис ЛФТ 2.0232: «Говоря нестрого (beiläufig), объекты бесцветны» (пер. с нем. наш по: [Wittgenstein, 1963, 10]).

⁸ Существует другой русский перевод заглавия: «Замечания по основаниям математики», но он нам кажется семантически и стилистически менее удачным (как будто профессор Витгенштейн делает замечания студенту, представившему ему эссе на данную тему).

unzeitlich), и в нем утверждается наличие (das Bestehen) некоего *внутреннего* отношения (курсив автора. — Д. М.)⁹.

Отношения цвета здесь, как и у Плануда, относятся не только к сфере явленно-го¹⁰ — но именно к сфере внутреннего, *зидетического* уровня реальности. Именно в этом смысле воззрения Плануда служат, на наш взгляд, достаточно удачной типологической аналогией учению «среднего» Витгенштейна.

В этом плане логика цвета, действительно, выступает моделью Бога в Его вневременности (что почувствовали Прокопий Газский и Максим Плануд); в свою очередь, Кант и Гуссерль, отбрасывавшие идею Бога на периферию своих философских построений (Кант — прежде всего в «Критике чистого разума», а Гуссерль — системно), надо полагать, именно поэтому в приведенных нами фрагментах и не говорили ничего о цвете, считая его чем-то вроде такой же вещи в себе, по неопределенности и непостижимости сопоставимой с Богом. Хотя между ними и Витгенштейном наличествует и сходство, приближающее мысль Витгенштейна все-таки к линии Канта, а не византийских мудрецов, — ведь, по Витгенштейну, «неясно априори, каковы *простые* (курсив автора. — Д. М.) понятия цвета» [Витгенштейн, 2020, 160. III, 69]. Если мыслить сущность Божию по-томистски, как слитую с Его свойствами¹¹, то именно к такому результату, как неопределенность этих свойств самих по себе, мы и придем. Мне думается, что Е. Г. Драгалина-Чёрная имела в виду и это обстоятельство тоже, когда обобщенно ссылалась на традицию схоластики (разумеется — западной) в подтверждение своей мысли о том, что сущность цвета, по Витгенштейну, трансцендентальна и субстанциальна (в смысле латинского *substantia*), а не предикаментальна [Драгалина-Чёрная, 2014, 91].

Поразительно, но даже мысль об отсутствии у цвета внешних для него очертаний находит параллель у позднего Витгенштейна. Витгенштейн советует:

Спросите себя: какой *формы* должен быть образчик зеленого цвета? Прямоугольной? Или он уже будет тогда образцом *зеленого прямоугольника* (курсив наш. — Д. М.)? — Так что же, он должен быть «неправильной» формы? Но что нам тогда помешает рассматривать — то есть использовать — его лишь как образец не-правильности формы? [Wittgenstein, 1986, 35^c. I, 73]¹².

Во всяком случае, цвет какой-либо *поверхности* — не чистое понятие цвета [Витгенштейн, 2020, 159. III, 56]; цвет может быть и у глубины. А, быть может, важнее цвет в себе? Ведь цвет — в опыте нашего реального мира — не связан с формой объектов (ср.: [Витгенштейн, 2020, 163. III, 155]). Этим и объясняется (по крайней мере, отчасти) ЛФТ 2.0232.

Запомним это положение обоих мыслителей: *цвет не терпит примата формы и не дает форме подавить себя. — Цвет, вопреки форме, есть сущность.* В этом

⁹ [Wittgenstein, 1967, 30. I. 103. 104]. Cf.: [Wittgenstein, 1967, 31. I. 105].

¹⁰ Вопреки авторитетному мнению Е. Г. Драгалиной-Чёрной, впрочем, не берущей во внимание данный трактат (см.: [Драгалина-Чёрная, 2011, 98]).

¹¹ *Thomae Aquinatis Summa contra Gentiles*. Cap. I, 45 («О том, что мышление Бога и есть Его сущность»); I, 46 («О том, что Бог всё постигает не чем иным, как Своей же сущностью») и т. д.

¹² Ср.: [Wittgenstein, 1986, 1176. I, 382]: «Удалось ли кому-либо продемонстрировать мне образ голубого цвета и сказать, что *вот это* — образ голубого?»; [Wittgenstein, 1986, 1176. I, 377]: «В чём критерий красноты образа?». Цвет — не *образ* некоей сущности, но сама *сущность*: глубокая мысль, имеющая переключки даже с учениями византийских иконопочитателей, как и иконоборцев; см., например: [Wittgenstein, 1986, 142^c. I, 523]: «Мне надо бы сказать: „Изображение говорит мне о себе самом“. То есть его рассказ мне о чем бы то ни было состоит в его собственной структуре, в *его* собственных линиях и цветах». Ср.: [Витгенштейн, 2020, 162. III, 155].

Явно вторит Витгенштейну и Библихин: «В действительности мы не видим форм, только массы окрашенности, формы привносятся воображением... цвет мы видим до схемы, а схему без цвета — когда цвет нами забыт» [Библихин, 1998, 814, 820].

смысле цвет и вправду оказывается весьма удачной аналогией для Св. Духа, Который, как Лицо Божие, так же не терпит над Собой примата чего-то (или кого-то) инородно-го Себе: в самом деле, кто или что может стоять над Богом (или «за» Ним)?

Итак, цвет — это особая сущность. И эта сущность цвета идеальна (по Максиму Плануду и Людвигу Витгенштейну), как невещественна и эссенция музыки, по Плотину. Именно поэтому, надо полагать, цвет и был избран византийским мыслителем в качестве аналогии. Это сущность — и *не частная* (добавим от себя¹³). Для Витгенштейна важно, как подметил Глен Эриксон, что цвета не относятся к некоему условному Цвету как виды — к роду (см.: [Erickson, 1991, 118]), т.е. порфириевское древо категорий здесь не действует. Ввиду краткости текста Максима Плануды не представляется возможным установить (на основе одного данного источника), справедливо ли это наблюдение в его случае, или нет. Как бы то ни было, согласно автору «Заметок о цвете», каждый цвет — вполне самостоятельная сущность. Как отмечает Эдвард Брэниган, «Звук воплощен [в некоем материальном субстрате], тогда как цвет остается развоплощенным и изолированным (detached)» [Branigan, 2015, 5]. И это возвышает его, на взгляд Максима Плануды, над тварным миром и в какой-то степени приближает к Богу.

Цвета различаются сообразно с логикой наших понятий о цвете, с теми из наших языковых игр, которые вовлекают в себя цвет. Конкретные цвета носят поэтому концептуальный характер [Erickson, 1991, 124, 125]. Если мы изменим наши *понятия* о цвете — изменится и наш опыт цветовосприятия [Erickson, 1991, 126]. Эти соображения Г. Эриксона и Дж. Брэнигана помогают понять ход мысли Витгенштейна. Тип восприятия цвета зависит, как показывает Дж. Брэниган, от способа его чувственного и ментального восприятия и от переживания *своего субъективного отношения* к нему. «Бытие цвета — это бытие в рамках ситуации [или: зависимость от ситуации, being situated]» [Branigan, 2015, 6]¹⁴. В «Заметках о цвете» (III, 78) Витгенштейн указывает, что понятие самотождественности цвета нами до конца не определено [Витгенштейн, 2020, 160. III, 78; Erickson, 1991, 124]. Та лишенность очертаний, о которой ведет речь Максим Плануд, как раз и позволяет понять взаимопереходы и сочетания цветов, с одной стороны, и их способность-умение органично вливаться в целостность различных ситуаций, с другой.

Но как тогда быть с ЛФТ 2.0251: «Пространство, время и цвет (цветность: Färbigkeit) — формы объектов» [Wittgenstein, 1963, 12]? По Брэнигану: «Цвет, как правило, воспринимается объективно, звук — субъективно» [Branigan, 2015, 7].

Здесь также мыслимо (с позиции Максима Плануды) провести аналогию с Духом Святым: у Него есть Свой способ явления в мире — в виде света, являющегося разным людям (прежде всего монахам-исихастам) с разной интенсивностью и т.п., который неразрывно связан с Его сущностью, общей с Отцом и Сыном...¹⁵ Так и цвет, снисходя со своей трансцендентальности *per se*, в реальном мире (аналогично, опять же, звучащей музыке) предстает перед нами в формах объектов (будучи заключен в эти формы и сливаясь с ними). В ЛФТ 2.0232 речь идет об эйдосах или идеях объектов, а в ЛФТ 2.0251 — о реально существующих в материи объектах (τὰ ἐνύλα)¹⁶. Эта линия мысли Витгенштейна близко следует идеям аристотеликов и того же Плануды. Кроме

¹³ О проблематике частной сущности см., в частности, статьи в: [Логика и онтология, 2020; Макаров, 2019а; Макаров, 2019б].

¹⁴ Один и тот же цвет при длительном рассматривании, скажем, мозаики сначала кажется нам красным, потом теплого оттенка красным, потом насыщенным красным, но во всех этих случаях цвет не остается тем же — он меняется [Erickson, 1991, 129]; cf.: [Quine, 1960, 42]. «Зрение — это не процесс», — поясняет Г. Эриксон: чтобы понять, *что* мы видим, нам нужно, по Витгенштейну, уяснить логику наших концептов, связанных с цветом [Erickson, 1991, 129].

¹⁵ См. новейшую диссертацию (защита состоялась 21 января 2022 г.): [Карасёв, 2021].

¹⁶ «А в том, что окружено материей (ἐν... τοῖς ἐνύλοις), одно проистекает из двух...» (Sapientissimi cardinalis... [cap. 1]. PG 161. Col. 312A). Имеется в виду размножение у животных и людей.

того, как подчеркивает Эдвард Брэниган, «Цвет воспринимает ту или иную природу в зависимости от употребления» [Branigan, 2015, 4]. Данное соображение ведет нас к прагматике позднего Витгенштейна, который считал, что у свойств, допускающих градацию, одна их степень исключает любую другую¹⁷.

Впрочем, логически невозможно (ибо это — противоречие) находиться двум цветам в одно время и в одном месте (как и одной вещи — одновременно в двух местах и временах): «...это исключено самой логической структурой цвета» (ЛФТ 6.3751) [Wittgenstein, 1963, 144]. Вот эта самая *die logische Struktur* цвета и есть его логос, подобный логосу сущности. Она-то, говоря словами Е. Г. Драгалиной-Чёрной, трансцендентальна и субстанциальна, а не предикаментальна [Драгалина-Чёрная, 2014, 91]. Тем более что и Витгенштейна интересовала в «Заметках о цвете» (как и в ЛФТ) в первую очередь именно «логика цветовых понятий» (см.: [Витгенштейн, 2020, 157. I, 22; Erickson, 1991, 115, 117]). Напрасно Дж. Брэниган отказывает звуку и цвету в *сущностном бытии* («по essence for color and sound» [Branigan, 2015, 7]): с этим не согласились бы ни Максими Плануд, ни Людвиг Витгенштейн.

Цвет антиномичен. Поэту допускается сказать: «платье цвета печали», «глаза цвета мечты», «цвета надежды» и т.п., но не «рубашка телесного цвета». («Палевго» — пожалуйста.) Хорошо, а почему тогда не говорят: «шейный платок телесного цвета» (ведь такой платок может быть прозрачным)? Этот пример подтверждает максимум Витгенштейна о том, что «не все цветовые понятия следуют единой логике» [Витгенштейн, 2020, 164. III, 241]. Вообще говоря, здесь мы сталкиваемся с четвертым типом цветовых понятий, связанным «с прозрачными телами» [Витгенштейн, 2020, 164. III, 255]. Но ведь тело-то не прозрачно! К тому же и «руки телесного цвета» тоже не говорят (не принято; тавтология). Не метонимия ли это? Пожалуй, важнее сослаться на пятый тип применения понятия цвета, по Витгенштейну (вспомним и мысль Плануды) — «для некоторого участка в поле зрения, которое логически независимо от пространственного контекста» [Витгенштейн, 2020, 164. III, 255].

Заметим, кстати, что в контексте поздневизантийского богословия икон (паламитского или близкого ему по духу) возможно говорить, например, о том, что у праведников на иконах — лица солнечного цвета, поскольку (как пишет Феодор Педиасим в XIV в.) «божественные мужи соделали себя солнцевидными (ἡλιοειδεῖς)» [Wilson, 2020, 225.94]¹⁸...

Мы можем, пожалуй, не рискуя отступить от путеводной нити размышлений Людвиг Витгенштейна, добавить к его идеям еще одно звено: всякий цвет — это *множество*. Во всяком случае, с точки зрения теории логической терминологии, «красное» может быть как общим термином, так и единичным (сингулярным), т.е. объектом понятия «красное» может меняться в зависимости от конкретной пропозиции [Quine, 1960, 111]. Пространство цветности являлось логическим пространством как для Витгенштейна [Драгалина-Чёрная, 2011, 93, 96], так и для Максими Плануды. А согласно Солу Крипке, красное (и, соответственно, всякий *натуральный* цвет) — жесткий десигнатор [Kripke, 1980, 134]. Соглашаясь с выводом Е. Г. Драгалиной-Чёрной о том, что «цвет обладает, по Витгенштейну, логической структурой, поскольку отношения цветов рассматриваются им как отношения структур, то есть внутренние или, иначе говоря, формальные отношения» [Драгалина-Чёрная, 2011, 90], мы полагаем, что введение в рассмотрение проблемы цвета теоретико-множественного аспекта позволяет углубить ее видение, сделав соответствующий анализ более комплексным и многомерным. Настала пора сказать несколько слов о данном — теоретико-множественном — круге проблем, раз уж *sub specie phenomenologiae* «витгенштейновское (и планудовское. — Д. М.) пространство цветности предстает как пространство смысла (курсив автора. — Д. М.)» [Драгалина-Чёрная, 2011, 98].

¹⁷ Витгенштейн писал об этом в «Некоторых замечаниях о логической форме» (1929). Отмечено в: [Драгалина-Чёрная, 2014, 94].

¹⁸ Замечание издателя о близости этого соображения воззрениям Прокла (со ссылкой на: *Procli In Tim.* III.194.28–31) см.: [Wilson, 2020, 225, n. 80].

Учение о цвете, теория множеств и логика естественного языка: имеются ли параллели?

Представляется несомненным, что «множества являются фундаментальными понятиями для математики и человеческого мышления» [Ван Хао, Мак-Нотон, 1963, 10]¹⁹. Всякий цвет — это неопределенное и вряд ли измеримое *множество* элементов (fuzzy set); в самом деле, сколько красного в мире? Можно ли дать в каких-либо единицах физики, математики или информатики четкий ответ на этот вопрос? Вряд ли: мы еще не научились измерять в байтах или битах количество эмоций, которые столь непосредственным образом связаны с цветом.

И все-таки некоторые соображения могут быть высказаны. В своей первопроектной книге А. Д. Шмелёв указывает, что фразы естественного языка типа «*Все синие оттенки на полотнах Ван Гога — восхитительны*» относятся к логическому типу квантификации (референт — «синие оттенки» — представляет собою подмножество объемлющих множеств «оттенки», «картины Ван Гога» и «картины»), а предложения наподобие «*В этом полотне слишком много красного*» (в которых мера этого красного сопоставляется с неким эталоном, релевантным для говорящего) — к *прагматическому* типу квантификации [Шмелёв, 2002, 82–83]. В «Заметках о цвете» Витгенштейн подчеркивал нечто очень близкое:

И не должен ли я согласиться, что предложения часто используются на границе между логикой и опытом, так что их смысл при переходе через границу меняется то так, то этак, и трактуются они то как выражение нормы, то как выражение опыта? [Витгенштейн, 2020, 158. III, 19]

Как видим, современная теоретическая лингвистика, по сути, на конкретном примере русского литературного и разговорного языка (т.е. и «логики», и «опыта») подтверждает эти соображения, указывая на конкретные смысловые аналогии из социально-культурного бытия языковой сферы.

Вместо заключения: парадоксы вербализации.

Цвет как символ и образ

В конце концов, коль скоро «не существует общепринятого критерия того, что есть цвет» [Wittgenstein, 1977, 4]²⁰, то в копилку мысли принимаются самые разные соображения — включая и высказанное Планудом. Для Плануда очевиден ответ на вопрос, где существуют изначально объекты и их формы: — В Боге. Бог есть сущность? — Конечно: Но Он — и больше: Он есть Сущий (Исх 3:14). Так и цвет, понятие о котором глубоко антиномично, есть такая сущность, которая и больше (в идее), и меньше самой себя (в эмпирическом проявлении, вплоть до несовместимости между собой отдельных цветов — см. *puzzle problem* Витгенштейна). Поэтому он насквозь символичен в мировой культуре и искусстве, ибо символ (по С. С. Аверинцеву) и есть такое бытие, которое больше самого себя: «он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа» [Аверинцев, 2001, 155]²¹. А значит, подобно музыке, он может быть одним из вспомогательных образов для уяснения Бога, чем и воспользовался византийский монах начала XIV в. — века Рублёва, Джотто и Феофана Грека. Ведь что он, по сути, говорит? — Цвет служит аналогией бытию Св. Духа, Который — вея, где Ему угодно, — и вдохновляет живописцев. И поэтов.

¹⁹ Тем более важно это для мышления Витгенштейна — автора «Заметок об основаниях математики».

²⁰ Пер. Е. Г. Драгиной-Чёрной, цит. по: [Драгина-Чёрная, 2014, 106].

²¹ Ср. наблюдение Н. Д. Арутюновой: «Знаки требуют понимания, символы и знамена — интерпретации» [Арутюнова, 1999, 342].

Сигизмунд Кржижановский (1887–1950) однажды заметил, что у нас с Шекспиром «„цвета времени“ не совпадают» [Кржижановский, 2006, 283]. А можно ли говорить о «цвете свободы»?

В русской поэзии можно указать на первые две строчки стихотворения Константина Симонова: *Небо, небо — цвет свободы, // Цвет лазури и победы...* («Знамена девятого мая», 1946). Кроется ли за этой метафорой онтологическое содержание?

В свете Витгенштейна и толкующего его Дж. Брэннигана — очевидно, да, причем субъективно-объективное: и небо кажется иным в неволе — и на свободе. Цвет неба и впрямь может зависеть от цвета (читай — модуса, тонуса, настроенности) души. Мы с миром (в моем его восприятии) и вправду тонко завязаны друг на друга. Это и есть «мой мир», «мой жизненный горизонт», мое «феноменальное поле»²², которое неизбежно целостно: мои ментальные переживания распространяются на всё. Ведь когда я вижу старинный храм или красивую девушку, небо кажется голубее, а розы — ярче... Эта моя настройка на мир очень тонкая и чуткая. Поэтому я субъективно могу воспринимать цвет объективным, но в целом это мое восприятие — субъективно-объективное; оно может быть *сингулярностью* (словечко Делёза и Бадью), точнее — серией сингулярностей, как и фраза, по Алессандро Барикко, — серией фраз, еще до записи на компьютере слагающихся в уме писателя [Барикко, 2016, 242–243]... Если звук я воспринимаю субъективно-субъективным (и субъективно, и субъективным), потому что он ближе к коммуникации и предполагает, в идеальном случае, *субъекта* — источник звука, то общение цветами принято пока что разве что в тайных обществах или мужских союзах (наподобие африканских и полинезийских). Можно еще помыслить об общении вкусами (как в древнем племени, описанном в «Белых муравьях» Михала Айваза [Айваз, 2004, 246 сл.]). Но цветом (как правило) не передашь — без словесного аккомпанемента — глубину чувств, а звуком — вполне возможно. Поэтому цвет и воспринимается как *отчужденно-объективный*. А предмет или деталь формы? И объективно, и субъективно (смотря по моей эмоционально-аффективной вовлеченности в происходящее). Ведь красота высвобождает нашу свободу (сколь бы многообразно это ни проявлялось). А потому — у свободы есть цвет (и переносный — как в поэзии, в эпитетах типа *перчатки цвета печали*, и реальный — не просто ценимый нами, а такой, какой каждый из нас обожает в своем любимом образе).

А как чудесно описан голубой цвет ночных эмоций тетушки Герды в заглавном рассказе Туве Янссон из сборника «Умеющая слушать» (1971)²³! Но не паче ли того трагичен и тот «последний голубой в(з)дох этого лета», наблюдать за растеканием которого «по астровым морям на дальних // древесно-карих берегах» призывает нас Готфрид Бенн²⁴?

Витгенштейн мыслит в сходной тональности, подразумевая *метафизическую окрашенность* субъектности каждого из нас: «Следует ли мне сказать, что верование — это особая окраска (a particular colouring) моих мыслей? Откуда берется эта идея? Что ж, существует тон веры, как и тон сомнения» [Wittgenstein, 1986, IJ^{2c}. I, 578] (cf. [Wittgenstein, 1986, 225*]).

Ему вторит и Библихин, напоминая внемлющему: «В древнегреческом χρώμα ἦθος, „окраска этоса“, значит особенности нрава» [Библихин, 1998, 820].

²² Вслед за Мерло-Понти этим термином пользуется Е. Г. Драгалина-Чёрная: [Драгалина-Чёрная, 2011, 97–98].

²³ «Она не зажигала ламп, ночь была ослепительно-голубой, прозрачной и медленно меняла краски, которые приходят вместе с весной... Она думала о том неизвестном ей, что происходило в этот момент снаружи... Время обмануло ее, это ужасное время, которое она снова упустила... Кое-какие блестяшки упали на ковер и засветились там, голубоватые, как ночь за окном» [Янссон, 2019, 18–20]. Напротив, для португальцев голубой — цвет счастья (когда состояние души подобно ясному небу). См.: [Erickson, 1991, 126, п. 4]. Вспомним также испанцев с их «Голубой дивизией» и поэзию Гумилёва (за указание мне двух последних примеров я благодарен В. М. Лурье).

²⁴ ...sieh dieses Sommers letzten blauen Hauch // auf Astermeeren an die fernen // baumbraunen Ufer treiben... («Karyatide», 1916).

Таким образом, логическое исследование внутренней сущности цвета у Витгенштейна продуктивно и многогранно. Следуя (осознанно или нет) различным граням богословской и философской мысли греко-византийской античности и Средневековья, полемически и творчески откликаясь на вызовы Нового и новейшего времени, оно способно в многообразии языковой игры повести философию и искусство вперед — к новым открытиям.

Источники и литература

1. Аверинцев (2001) — *Аверинцев С. С.* Символ // *Аверинцев С. С.* София — Логос. Словарь. 2-е изд., испр. Киев, 2001. С. 155–161.
2. Айваз (2004) — *Айваз М.* Белые муравьи // *Айваз М.* Другой город: Роман, повести, рассказы / Пер. с чешс. Е. Бобраковой-Тимошкиной. СПб., 2004. С. 233–297.
3. Арутюнова (1999) — *Арутюнова Н. Д.* Символ и знак // *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. (Язык. Семиотика. Культура). С. 341–346.
4. Барикко (2016) — *Барикко А.* Юная Невеста / Пер. с итал. А. Миролубовой. М., 2016.
5. Бибахин (1998) — *Бибахин В. В.* К цвету // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1998. С. 814–823.
6. Ван Хао, Мак-Нотон (1963) — *Ван Хао, Мак-Нотон Р.* Аксиоматические системы теории множеств [1953] / Пер. с фр. И. Б. Погребыского под ред. Л. А. Калужнина. М., 1963.
7. Витгенштейн (2020) — *Витгенштейн Людвиг.* Заметки о цвете (Избранные фрагменты). III, 73 / Пер. с нем. А. С. Ильиной под ред. Е. Г. Драгалиной-Чёрной и З. А. Сокулер // ВФ. 2020. № 6. С. 157–168.
8. Гуссерль (2010) — *Гуссерль Э.* Картезианские медитации / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М., 2010. (Философские технологии).
9. Драгалина-Чёрная (2011) — *Драгалина-Чёрная Е. Г.* Крипке как предчувствие: апостериорные тавтологии Витгенштейна // Именованное, необходимо и современная философия / Отв. ред. В. В. Горбатов. СПб., 2011. С. 88–99.
10. Драгалина-Чёрная (2014) — *Драгалина-Чёрная Е. Г.* Глава I.3. Логика запрещённых цветов: от теории моделей к играм с независимыми платежами // *Васюков В. Л., Драгалина-Чёрная Е. Г., Долгоруков В. В.* Logica ludicra: аспекты теоретико-игровой семантики и прагматики. СПб., 2014. С. 86–110.
11. Драгалина-Чёрная (2020) — *Драгалина-Чёрная Е. Г.* Цвета в логическом пространстве Людвиг Витгенштейна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 146–156.
12. Кант (1993) — *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. СПб., 1993. С. 50. Трансцендентальная эстетика, § 1.
13. Карасёв (2021) — *Карасёв Н. А., прот.* Феномен православной мистики: истоки и осмысление в русской богословской мысли XVIII — середины XX вв. Дис. ... докт. богословия. М.: ОЦАД, 2021.
14. Кассирер (2002) — *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1. Язык / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.; СПб., 2002. (Книга света).
15. Кржижановский (2006) — *Кржижановский С. Д.* Поэтика шекспировских хроник // *Кржижановский С. Д.* Собрание сочинений в пяти томах: Том 4. Поэтика заглавий. Философема о театре. Страны, которых нет. Фрагменты о Шекспире. Искусство эпитафия (Пушкин). Драматургические приемы Бернарда Шоу / Сост., подг. текста и комм. В. Перельмутера. СПб., 2006. С. 238–284.
16. Логика и онтология (2020) — Логика и онтология в византийской догматической полемике. Очерки / Под ред. Д. С. Бирюкова и В. М. Лурье. СПб., 2020.
17. Макаров (2019а) — *Макаров Д. И.* От мариологии до тритеизма: о возможных поздневизантийских параллелях к идеям Леонтия Византийского и Иоанна Филопона (Феофан Никейский, Иоанн XI Векк, Георгий Мосхамбар). Часть первая // Библия и христианская древность. Сергиев Посад, 2019. № 3 (3). С. 140–174.

18. Макаров (2019б) — Макаров Д. И. От мариологии до тритеизма... Часть вторая // Библия и христианская древность. Сергиев Посад, 2019. № 4 (4). С. 77–102.
19. Макаров (2020) — Макаров Д. И. Две заметки об актуальности византийской мысли: Метохит и Бадью о природе. Критика *Filioque* у Мосхамбара на языке семантики Крипке // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. Вып. 3 (31). С. 44–56.
20. Молчанов (2010) — Молчанов В. И. Трансцендентальный опыт и трансцендентальная наивность в *Картезианских медитациях* Эдмунда Гуссерля // Гуссерль Эдмунд. Картезианские медитации. С. 200–224.
21. Сокулер (2020) — Сокулер З. А. Почему способы говорить о цвете могут быть интересны для философа? // ВФ. 2020. № 6. С. 139–145.
22. Шмелёв (2002) — Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. (Язык. Семиотика. Культура).
23. Янссон (2019) — Янссон Т. Умеющая слушать / Пер. [со шведс.] Л. Брауде // Янссон Т. Умеющая слушать. СПб., 2019. (Азбука-классика).
24. Branigan (2015) — Branigan E. Wittgenstein / Context: Two Philosophical Lessons about Color and Sound [Draft, February 5, 2015]. URL: https://www.academia.edu/10714279/Wittgenstein_Context_Two_Philosophy_Lessons_about_Color_and_Sound (дата обращения: 01.02.2022).
25. Erickson (1991) — Erickson G. W. Wittgenstein's *Remarks on Colour* // *Diálogos*. 1991. Vol. 57. P. 113–136.
26. Kripke (1980) — Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge, MA, 1980.
27. Mango (1988) — Mango C. The Collapse of St. Sophia, Psellus and the *Etymologicum Genuinum* // *Γόνυμος*. Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerink at 75 / Ed. by J. Duffy, J. Peradotto. Buffalo, N. Y.: Arethousa, 1988. P. 167–174.
28. *Procopii Gazaevi* Commentarius in Genesim... [ad Gen. 1: 14] // PG 87/1. Parisiis, 1863.
29. Quine (1960) — Quine W. V. O. Word and Object. Cambridge, MA, 1960.
30. *Sapientissimi cardinalis...* — *Sapientissimi cardinalis domini Bessarionis* Refutatio syllogismorum Maximi Planudae de processione Spiritus Sancti contra Latinos. Syllogismus quartus // PG. 161. Parisiis, 1866. Col. 317A.
31. *Thomae Aquinatis* Summa contra Gentiles. Cap. I, 45–46. URL: <https://www.corpusthomicum.org/scg1044.html> (дата обращения: 01.02.2022).
32. Wilson (2020) — *Theodori Peditasimi* Theoremata de nimbis sanctorum, quod nempe in modo circulari circa capita eorum depingitur, 8 // Wilson J. Theodore Peditasimos's "Theorems on the Nimbi of the Saints" // *Byzantinoslavica*. 2020. Vol. 78/1–2. P. 203–239.
33. Wittgenstein (1963) — *Wittgenstein Ludwig*. Logisch-philosophische Abhandlung. The German Text with a New Translation by D. F. Pears & B. F. McGuinness; and with the Intr. by B. Russell. London; New York, 1963.
34. Wittgenstein (1967) — *Wittgenstein Ludwig*. Bemerkungen über die Grundlagen der Mathematik, I. 103. 104 / hrsg. und bearb. von G. H. von Wright, R. Rhees, G. E. M. Anscombe; trans. G. E. M. Anscombe. Cambridge, MA; London, 1967.
35. Wittgenstein (1977) — *Wittgenstein L*. Remarks on Colour. Oxford, 1977.
36. Wittgenstein (1986) — *Wittgenstein Ludwig*. Philosophical Investigations / trans. G. E. M. Anscombe. Oxford, 1986.